

Алиса чувствовала себя лошадьёю на смотре. Причёска у секретарши, глядевшей на неё, тоже была какая-то лошадиная — хвост, стянутый столь туго, что волосы облепляли череп как шапочка для бассейна. Та и выкрашена была в офисный блонд — стандарт породы.

Алиса пыталась расслабить лицо и сделать так, чтобы взгляд не казался наглым. Секретарша сидела в офисном кресле и держала осанку, не касаясь спинки. Верхняя пуговица белой рубашки расстёгнута, губы вызывают ассоциации с выдуванием мыльных пузырей.

Медицинские справки были в порядке. Они отложены, папка закрыта. На огромный экран компьютера-моноблока выведены фотографии. Секретарша меняет снимки с видимым умственным усилием. Или так кажется Алисе. Секретарша не разговаривает с ней. Те слова, которые раздаются в кабинете, нельзя причислить к проявлениям человеческого общения. Чаще они обособлены, но иногда формируют простые предложения. Повернись. Подбородок выше. Закрой глаза. Наклони голову набок. Приподними подол юбки.

Алиса исполняла команды, убеждая себя, что в этом есть некий смысл. Например, секретарша хочет удостовериться в том, что на фотографиях — действительно она. Впрочем, во время вступительных экзаменов в институте для этого хватило нескольких секунд и маленькой карточки в паспорте.

Секретарша, завершив действия за компьютером, велела Алисе сесть на стул и, подойдя вплотную, пропустила пальцы сквозь пряди её волос, едва

заметно менявшие цвет, в зависимости от угла зрения. Медь, золото и ржавчина.

— Роскошно, — произнесла секретарша.

Алиса склонила голову ниже, не ожидая от себя такой реакции, пытается подавить подлое ощущение щенячьей благодарности. Покончив с волосами, руки секретарши деловито сжали грудь Алисы.

— Тихо, тихо, — проговорила она, умело ощупывая Алису.

Девушка замерла, из внешнего мира, наверняка продолжавшего существовать за пределами кабинета, не доносилось ни звука, её собственный мир был заполнен шорохом одежды. Она знала, что будет ещё долго перемалывать в голове ощущения, полученные в эти секунды. Алиса оказалась на до-смотре, но у неё ничего не искали, скорее, пытались выяснить физическое состояние её тела и то, каким оно было на ощупь сквозь одежду.

Потом Алиса разделась до нижнего белья. Секретарша заставила её покрутиться на месте, и сделала несколько снимков на мобильный телефон, затем вновь подошла ближе и, приказав смотреть прямоком в чёрную точку крохотного объектива, сняла крупный портрет. Нос и щёки Алисы были покрыты веснушками. На фотографии её глаза выглядели почти нереально большими.

— Хорошо, — сказав это, секретарша холодно улыбнулась.

Алиса, одеваясь, мельком взглянула на неё и подумала, что та хотела сказать: “Добро пожаловать в мой мир”.

Лифт опускался, слышалось ровное, низкое гудение. Алиса, находившаяся в кабине одна, смотрела на себя в зеркало. Она любила свои волосы и свой лоб, свои искренние губы, щёчки и правильно проявленные скулы, свои озорные, но часто печальные глаза, которые трижды в её жизни были названы наглými, свой подбородок. Отдельные черты и зоны лица складывались, казалось, в формулу абсолютной привлекательности, если бы не кое-что, уничтожавшее, по мнению Алисы, весь эффект.

Нос. Блуждая глазами по лицу, невозможно было избежать его. На первый взгляд, он выглядел нормальным. Алиса повернула голову. Ей показалось, что на носу проявилась отвратительная горбинка. Девушка запрокинула голову назад, и критически уставилась на зону носового треугольника. В её животе будто закрутились медленные лопасти, нагонявшие тошноту. Это было невозможно терпеть долго, поэтому Алиса отвернулась от зеркала и с закрытыми глазами дождалась того момента, когда двери лифта разъехались.

*Вот так и горят мосты. Слышно, как что-то с них осыпается и шипит в воде. Я уже на другой стороне. Странно, но ничего не чувствую по этому поводу. Лететь через три дня. Мне хватит денег, чтобы сделать ринопластику. Ведь это то, чего я хочу. Чёрт! Зареклась ведь не врать здесь! Достало! Не знаю, зачем всё это, я видела однажды, как дядя, пока никто не смотрел, подошёл к гладильной доске и приложил горячий утюг к щеке. Отлично его сейчас понимаю.*

Рука Алисы, державшая карандаш, остановилась, начав новую букву. Девушка знала, что позади неё кто-то стоит. Особое чутьё, сформировавшееся за годы жизни с сестрой, работало всегда, даже когда та пыталась передвигаться тише непрерывно оседающих вокруг пылинок.

Сестра приехала в Москву поступать и поселилась в комнате Алисы. Они спали на раскладном диване, ложась валиетом. Так продолжалось уже четыре дня. Другая комната в двушке казалась Алисе пустой. Там обитало двое молодых людей, работавших с компьютерами. Пар они выпускали где-то ещё, а в своей комнате вели себя тихо, наверное, самоотрешённо работали, ограничив реальность рамками мониторов и пластиковыми кожухами больших наушников.

Алиса закрыла чёрную книгу с пустыми страницами, служившую ей журналом, и обернулась. Ася, стоявшая слишком далеко, чтобы прочесть

что-либо через плечо, имела потерянный вид. Алисе показалось, что она выглядяла как люди с фотографий позапрошлого века.

“Чумичка”, — пронеслось в голове Алисы. Это было не со зла. Мегapolis сорвал с Аси тонкую шкурку самоуверенности за несколько часов, а все соки выпил за двое суток. Не имея никакой другой опоры или источника моральных сил, Ася вцепилась в сестру. Смотря на неё, Алиса думала о детях-беженцах с Балкан (хотя она никогда не видела их ни в реальности, ни на фотографиях). “До отъезда научу её пользоваться кондиционером для волос”, — решила Алиса, обратив внимание на вьющиеся волосы сестры, местами напоминавшие паклю. Они были темнее, и рыжими их можно было назвать с очень большой натяжкой.

— Хочу чёрный бургер, — промычала Ася.

— Я в отпуске, — ответила Алиса.

— Но там же все твои друзья.

Алиса дважды стукнула кончиком карандаша по столу.

— Это коллеги.

— Но вам всё время весело.

Карандаш вывал из руки на стол.

— Хмурый официант — как вонь с кухни.

Внимательно посмотрев на лицо Аси (и на её более красивый носик), Алиса поняла, что сестра не вникла в метафору.

— Без выбора ещё могут потерпеть, но если альтернатива есть, то в такое место ни ногой.

Лицо Аси изменилось. Она попыталась изобразить понимание. Алиса, сделав небольшое волевое усилие, произнесла:

— Официанты так себя ведут, потому что этого требует их деятельность. То, что тебе улыбаются и слушают твой ответ на вопрос “как дела”, не значит, что перед тобой — друзья.

— Ты не зря учишься на писателя, — сказала Ася тоном матери.

— В общем, в морозилке пельмени.

— Нет. Хочу ещё один чёрный бургер. И завтра. И так, пока ты не уехала, — взяв паузу, Ася добавила: — И тогда я не буду совать свой нос в твои дела. На вопрос, где ты, буду отвечать согласно легенде.

— Легенде... — сухо проговорила Алиса.

Через пятнадцать минут они вышли из подъезда и отправились к небольшому бару-ресторану, в котором подавали бургеры с булками чёрного цвета. Легенда ресторана гласила, что в тесто добавляют чернила каракатицы. Но Алиса знала, что это активированный уголь. Она надеялась угостить сестру бесплатно и всё же взяла с собой деньги.

Компьютерный стол в углу был просторным, но в комнате с наборным паркетом и потолочной лепниной он казался крохотным. Свет попадал внутрь комнаты через полукруглое окно, столь огромное, что человек, стоящий вплотную к стеклу и смотрящий наружу, не мог бы увидеть его границ.

Витя так не поступал — не упирался лбом в стеклопакет нестандартной конструкции. Иногда он мельком выглядывал наружу, проходя мимо, но только чтобы лично убедиться в точности прогноза погоды. Был ли прогноз верным или нет, реакции у Вити на это практически не возникало.

Витя не чувствовал, что комната, в которой он обитал — его. Она казалась ему офисным помещением с дорогой мебелью, которую человек мог использовать для удовлетворения повседневных нужд. Например, потребности в сне. Но в комнате был компьютер.

Однажды после полудня дверь к Вите была открыта ключом снаружи. Шёл матч в онлайн-игре. Витя сидел в наушниках с микрофоном, уверенный, что его не потревожат. Так он планировал провести всё лето, сидя за “универсальным удовлетворителем”. Изнутри в дверном замке не было скважины, только ручка. Входя, Витя, не задумываясь, запирает его за собой. Он бубнил в микрофон неразборчивые слова, считая, что его советы помогут другим игрокам в команде.

Витя говорил тихо, потому что в четырнадцать лет зарёкся терять самообладание после того, как один неудачный матч заставил его схватить системный блок, потащивший за провода всю остальную периферию, и выбросить в то самое полукруглое окно, разбив стёкла. От усилий Витя потянул мышцы спины и был вынужден временно переселиться в другую комнату, пока стёкла не заменили, что заняло целую неделю.

Затем Витя совершил, как ему казалось, очень мужественный поступок и наказал себя за содеянное, заплатив за новый компьютер из собственных карманных денег. В ночь инцидента он не удосужился взглянуть вниз (был напуган). Железный корпус компьютера, со всеми деталями весивший семь килограммов, упал на крышу припаркованного внизу Bentley. Эту проблему тихо уладил отец.

Рука отца легла Вите на плечо в тот момент, когда он прошипел в микрофон длинное и глупое ругательство. В его глазах потемнело, происходящее на мониторе потеряло всякое значение. Витя скинул наушники и обернулся. Отец никогда его не бил, но пугало больше то, что он *мог бы* сделать, нежели что-то, уже случившееся в прошлом.

— Вставай, — сказал отец, — есть разговор.

Витя не спросил, почему они пошли в кабинет (спустившись по лестнице и пройдя по длинному коридору). Он догадывался, что в его комнате была неподходящая атмосфера, и это ему не нравилось. Где-то посередине пути Витя вспомнил о матче в игре и даже оглянулся, испытав позыв вернуться обратно к компьютеру. Но об этом нечего было и думать. Отец будто вёл его вперёд на невидимом поводе.

Кабинет отца был его местом силы. Вдоль стены, обшитой деревом, стояли чучела убитых животных. Отец обошёл стол, отодвинул кресло-трон и положил руки на мраморную столешницу. Витя стоял на ковре, почти в самом его центре, и боялся, что привычный уклад вещей может вот-вот рухнуть под действием слов отца. Должно быть, со стороны то, чем он занимался в последние недели, казалось не очень продуктивным. Или вообще вызывало опасения. Витя приготовился к худшему.

Промолчав и посмотрев на сына, отец сказал:

— Пора бы тебе вылезти из-за компьютера и отправится в реальный мир.

Витя втайне надеялся на другое. Впрочем, детали были ещё не ясны, поэтому он приподнял брови и промолчал, дожидаясь последующей реплики. В кабинете пахло так, будто раньше тут много и часто курили, но в последний месяц перестали делать это. Едва ощутимый запах застарелых никотиновых смол напоминал о сырых подвалах и плесени. Одеколон, которым пользоваться отец, пах вулканическим дымом. Казалось, что с каждой секундой присутствие этого запаха в кабинете усиливалось, будто бы окружающее пространство нагревалось.

— Ты сам так не считаешь? — спросил отец.

Витя догадывался о том, что любой из его ответов будет на руку отцу. За несколько секунд из всех зол он выбрал, как ему казалось, наименьшее.

— Нет.

— Бьюсь об заклад, что за последнюю неделю ты покидал комнату только для того, чтобы открыть дверь доставщику пиццы.

— Ты не можешь так утверждать.

— Что же ещё ты делал?

Витя покраснел. Отвечая, он постарался сделать свой голос пониже, искренне полагая, что краеугольным камнем любых переговоров является хамоватая наглость.

— Вообще-то мы так тусили с друзьями три дня, что я и дома не ночевал, разве ты этого не заметил? Конечно, работа, дела, легко строить домыслы, касающиеся других...

Витя замолк, когда ему показалось, что кожа на лице отца становится восковой, а от запаха раскалённой лавы пощипывает глаза.

— Это хорошо, что ты остановился прежде, чем я начал подозревать, что ты идиот, — сказал отец, и сменил тон, — то, что я хочу тебе предложить,

не так уж плохо. Не волнуйся, тебе не придётся работать остаток лета у кого-нибудь из моих друзей, перекладывая бумажки из одной стопки в другую, или как там это делается. Ты отправишься на молодёжный бизнес-форум.

От последних слов отца Витю передёрнуло. Мысли стали беспорядочными, дыхание сбилось, воображение разогналось до предела. За минуту Витя успел разыграть в собственной голове порядка десяти вариантов своего возможного пребывания на “молодёжном бизнес-форуме”. Поштыгавшись как-то выразить опасения, сгладив, естественно, острые углы, неуверенно, чуть ли не заикаясь, он проговорил:

— Там же будут одни неудачники. Кто вообще на такое ездит? Зачем это мне? Ты решил наказать меня скукой?

— Это не то место, где может оказаться кто попало. Форум пройдёт на острове Форментера, к востоку от материковой Испании. Может, тебе даже повезёт и не придётся брякать о том, как тусил с друзьями три дня, не ночуя дома, а появятся какие-то истории из действительности.

“Нет, нет, нет и ещё сто раз нет”, — бился в голове Вити единственный ответ.

— Может, я ещё успею побывать на всяких таких мероприятиях, но чуть позже, а пока вроде как провожаю детство?

— Уже пройденный этап. Тебе шестнадцать, осенью будет семнадцать.

— Но какое я имею отношение к бизнесу?

— В том-то и дело. Но к деньгам ты имеешь отношение. С одной стороны косвенное, на моей памяти ничего не заработал, с другой — прямое, раз можешь оказаться там.

Собравшись с духом, Витя озвучил последнее, что пришло ему в голову:

— Разве это не опасно? Отправлять меня одного в чужую страну. Ведь я раньше никогда не летал один на самолёте. Да и языковой барьер, я ж по-английски с трудом, а по-испански ни слова.

— Знаешь про радикальный метод обучения плаванию?

Витя грустно кивнул:

— Это будет полный отстой.

— Полный отстой — авансом выдумывать себе негативный опыт.

Вернувшись в свою комнату, раздавленный грузом предстоящего путешествия, Витя обнаружил, что его команда успела проиграть. Система игры опознала его отсутствие во время решающих моментов матча и ограничила для него доступ на целые сутки. Подавленный ещё больше, Витя сел на неудобную кровать. Часть его существа хотела снова выкинуть системный блок в окно или вытворить что-нибудь подобное. Но какой в этом смысл? Дата и время вылета в Испанию были столь близко, что впору было начинать вести посекундный обратный отсчёт.

Покачиваясь взад и вперёд, продолжая сидеть на кровати, Витя думал. Сначала его мысли упирались в неизбежность поездки, казавшейся самым отвратительным событием всей жизни, но потом, незаметно для самого Вити, они начали разветвляться. Там, в этом потоке билась история, рассказанная им о себе. Не осознавая и не контролируя этого, он стал цепляться за неё, так находя покой. История только-только начиналась.

У Алисы появился новый чемодан на колёсиках, блестящий и отливающий синим перламутром. Его можно было везти позади себя или рядом, даже так он катился легко, и все четыре колеса двигались, будто живые, реагируя на мельчайшие изменения траектории. Внутри чемодана лежала новая одежда. У Алисы ещё никогда не было столько вещей, купленных за один раз.

Вокруг аэропорта царил хаос. Казалось, что тысячи людей и автомобилей попали в пространственную ловушку, и теперь никто не успеет на собственный рейс. Тем не менее, раз за разом в небо взлетал ярко выделявшийся на фоне облаков самолёт. Это повторяющееся событие вызывало ощущение нереальности происходящего.

Казалось, что внутри здания аэропорта люди работают очень медленно, будто им тяжело двигаться, потому что всё вокруг залито густым бесцветным

желе. Алиса чувствовала, как мысли замедляются, под стать окружению. Наконец, к ручке её блестящего чемодана была приклеена бирка, и он уехал по длинному конвейеру.

Алиса посмотрела на свои ногти, покрытые новым шеллаком. Ей показалось, что в этот момент нужно что-то почувствовать или подумать о самом ближайшем будущем. Но в голове послушно всплывала лишь легенда, которая уже казалась Алисе настолько родной, что её было в пору принимать за устойчивые проявления субличности. “Неужели мне нравится то, что я сейчас делаю?” — подумала девушка.

Пройдя таможенный контроль, Алиса ощутила в кармане прерывистую вибрацию. Пришло сообщение. Открыв его, девушка прочла: “Значит, твой выбор поступить со мной вот так?”. Сообщение от Мишки Обнинского. “Я не хочу сейчас обсуждать это. Ни сейчас, ни в любое другое время”, — быстро отписалась Алиса. “Ты предсказуема”. Алиса нахмурилась. Других сообщений не последовало, и, продолжая пребывать в смятении, она убрала телефон обратно в карман.

Алиса шла по телескопическому трапу внутрь самолёта. Она почувствовала, что её телефон вновь ожил, завибрировав. Новое сообщение от Миши. Девушка внимательно смотрела на экран и чуть не задела головой верх пассажирской двери-люка. Между корпусом самолёта и тоннелем зияла щель. Алиса подумала, что телефон мог бы упасть туда, и её пальцы вспотели. В пришедшем сообщении не было слов, только фотография. Алиса двигалась в плотном потоке людей. Некоторые клали сумки на полки, создавая заторы. Переминаясь с ноги на ногу и высматривая свой ряд сидений, Алиса открыла фотографию. На ней была толстая капроновая верёвка с петлёй и самозатягивающимся узлом.

“Что это значит?” — написала в ответ Алиса, не успев как следует подумать, и села в своё кресло, расположенное у прохода.

Какое-то время ответа не было. Алиса ёрзала. Мимо шли люди, и казалось, что им не будет конца. Все они были чем-то недовольны. На экране появилась ещё одна фотография. На этот раз она изображала две босые ноги, вставшие на табуретку.

“Присылать такое — подло”, — написала Алиса, потому что не знала, что ей следовало сказать. Возможно, нужно было позвонить в полицию или в службу спасения? Девушка почувствовала, как у неё задрожали губы, ей показалось, что к лицу прилила кровь. Для Алисы время будто бы замерло, она пыталась продумать свой следующий шаг, но мыслей было слишком много. Приходилось стараться удерживать себя в руках, чтобы не начать паниковать (при всех).

Самолёт пришёл в движение, вырубивая на взлётную полосу. Алиса почувствовала вибрацию телефона. Прикрывая его ладонью, чтобы не увидели стюарды и стюардессы, она получила третью фотографию. Петля свисает откуда-то сверху, она ярко засвечена, фото снято со вспышкой. Позади неё полетному горит окно, но вся остальная комната из-за вспышки черна. “Прощай”, — в диалоге появилось одно короткое слово.

Алиса почувствовала, что ей не хватает воздуха. Самолёт начал стремительно ускоряться. Девушку вдавило в сиденье. Пассажиры вокруг замолкли и замерли. Нагнувшись и смотря в пол, чтобы не замечать направленные в её сторону взгляды, Алиса нашла номер Миши. Как назло, соединение устанавливалось медленно. Первый гудок послышался, когда шасси оторвались от асфальта. Мир провалился вниз, уши заложило, в груди застыло ощущение неминуемой катастрофы. Вызов никто не принимал. Алиса крепко сжала зубы. В это мгновение её легко хлоплопала по спине. Девушка выпрямилась и увидела стюарда. В её руках был зажат мобильный телефон, экран горел и сигнализировал о попытках установить звонок.

— Пожалуйста, переведите мобильное устройство в авиарежим, — проговорил стюард.

Несколько секунд Алиса смотрела на него, затем её пальцы оборвали вызов и полностью выключили телефон. Стюард продолжал стоять рядом с креслом и смотреть на девушку.

— С вами всё в порядке? — спросил он.

Алиса отрывисто кивнула.

— Может, вам нужен бумажный пакет?

Девушка задумалась.

— Нет, — сказала она.

Телефон в руках вызывал ассоциации с гранатой без чеки. Будто бы с ним нужно было что-то немедленно сделать. Самолёт плавно набирал высоту. Спустя час полёта, когда все пассажиры расслабились и выстроились в очереди к туалетам, Алиса включила телефон. Но на высоте десяти километров не было никакой сети. Пятнадцать минут девушка непрерывно смотрела в угол экрана, надеясь, что сеть будет поймана. Она не знала, что делает в таком случае. Пока что её интересовало только наличие связи.

Когда начали раздавать еду, Алиса выключила телефон. Есть ей совершенно не хотелось.

Самолёт приземлился в аэропорту острова Ибика. Билет был дорогим. Алиса не смогла бы оплатить перелёт даже в один конец. Каждый месяц у неё стабильно заканчивались все деньги. При посадке в салоне тряхнуло. Раздались аплодисменты. Алиса включила телефон и, уставившись в экран, ждала загрузку. Сеть “Movistar” появилась, когда самолёт закончил маневрирование и остановился.

SMS предупредило о безумной цене мобильного интернета в роуминге. Алисе плевать. Ей нужен доступ в сеть и нужен немедленно. Цифра над иконкой приложения сообщала, что пришло восемнадцать сообщений. Они могли быть от других людей. Приложение грузилось долго. В итоге три сообщения от Миши. Последнее — восемнадцать минут назад. Алиса испытала облегчение, которое длилось недолго. Тут же она почувствовала, как злость накапывает на неё откуда-то снизу и накрывает с головой.

Миша прислал ещё две фотографии, изображавшие удавку и части его тела в непосредственной к ней близости. Это символически обозначало готовность сделать последний шаг (со стула). Но потом шло длинное текстовое сообщение, пришедшее через четыре часа после фотографий, и оно начиналось со слов: “Прости, я сумасшедший, но видишь, что ты со мной делаешь?” Дочитав сообщение, Алиса почувствовала, как её сознание затуманивается.

Она пришла в себя только в очереди паспортного контроля и в этот момент начала набирать на телефоне ответ, поблагодарив себя за то, что не сделала этого сразу же, ведь аффективная месть зачастую беспомощна.

“Ты лишён таланта. Да, это так. Я наблюдала за тобой с прошлого сентября, раз уж мы были близки, и не заметила не то, что огонька, но даже малейшей искры. Всё, что ты производишь, лицемерно и пусто. Технично и стильно, но поверь мне, от этого ещё хуже. Все твои уловки придуманы не тобой. Многим нравится, значит, эти люди, как и ты, не могут отличить архетип от стереотипа. Я жалею, что провела так много времени с тобой”, — написала Алиса.

В ответ тут же пришла фотография. Миша снял майку и сфотографировал сам себя в зеркале, напрягая мышцы живота. При этом он делал, как ему казалось, жалобное лицо. Алиса почувствовала лёгкую тошноту и свернула приложение.

Получив багаж, она не выдержала и снова открыла приложение. Фотография подействовала на неё помимо её воли. Противостоя этому, Алиса написала: “Всё кончено. Если продолжаешь сомневаться, то читай это сообщение до тех пор, пока его смысл не дойдёт до тебя”.

Аэропорт Ибицы встретил Алису серыми стенами, невысокими потолка-ми, параллельными полу, людьми, казавшимися неинтересными, и магазинами, такими же, как в любом другом аэропорту. Девушка пребывала в смятении, она ожидала, что легендарный остров с первой же минуты заставит её позабыть обо всём на свете, перевернёт её мироощущение. Однако этого не произошло.

На улице росли пальмы. Алиса надела тёмные очки. Таксист ожидал её с табличкой в руках, на которой ярко-оранжевыми буквами было крупно напечатано: "Alisa".

Они сели в машину. Водитель говорил по-английски, но Алиса не могла понять его из-за акцента. Девушка рассеянно кивала головой, крайне неуверенно издавая звуки, похожие то на слово "Yes", то на слово "Si". Такси было оплачено заранее.

Мимо проносились Ибица. Алиса, затаив дыхание, смотрела в окно, каждую секунду ожидая откровения. Остров казался чёрным, как степь. Вдалеке виднелись горы, похожие на огромные кучи чёрного песка. Было жарко, но приятно. Влажный, обволакивающий воздух был наполнен только морем. "Страна охры", — подумала Алиса, проезжая сквозь бетонный тоннель. Справа и слева от дороги появлялись строения, прямоугольные и непримечательные.

Пейзаж вскоре наскучил Алисе, и она вытащила телефон. Путь был практически завершён. Через два часа она точно окажется на месте назначения. Девушка открыла фотографию под названием "Витя1".

Водитель оборвал свою речь и убавил звук магнитолы, игравшей песни Def Leppard. В зеркало заднего вида он посмотрел на Алису и с озабоченным видом проговорил несколько слов. Девушка оторвалась от экрана телефона, бросив: "Si", "Si". Водитель повторил свою фразу, на что Алиса дважды ответила: "Yes". Он хотел узнать, хорошо ли себя чувствует пассажирка, потому что ему показалось, что у неё странный вид.

В Пуэрто-де-Ибица Алису ждала лодка, восьмиместное морское такси, бронированное на весь день на одну персону. Девушка спустилась к воде по бетонным ступеням, сквозь щели в которых росла занесённая песком трава. До конца её путешествия оставалось меньше часа. Она окинула взглядом порт Ибицы с белыми яхтами, похожими на огромных чаек, севших на волны. Остров спал, и послеполуденная жара была его одеялом. "Восстаёт ночь", — подумала Алиса, когда капитан завёл мотор.

Седые волосы смешались на его голове со смолисто-чёрными. Сначала капитан пробовал говорить по-английски. У него получалось гораздо лучше, чем у таксиста, но Алиса всё равно его не понимала. Тогда он, обернувшись и посмотрев на пассажирку, решил попытать удачу и на ломаном русском поинтересовался, откуда она родом. Алиса ответила. Капитан просиял и начал усиленно практиковать русский, в котором был очень слаб.

Алиса отвечала ему с неохотой, пытаясь полностью уйти в созерцание Средиземного моря. Остров Ибица проплывал справа отелями и туристами на пляжах, издали казавшимися неумелыми статистами. Затем всё это сменили лесистые холмы, и, наконец, на короткий промежуток времени справа и слева суша расступилась, и Алиса почувствовала, что хочет попросить капитана свернуть с маршрута и плыть вдаль по этим бирюзовым водам, отливающим лиловым ближе к расплывающемуся горизонту.

Окна номера, в котором оказалась Алиса, выходили на лагуну Эстанидес-Пейш. Через узкий пролив туда набились лодки, яхты и катера. Они плавали в тёплой воде беспорядочно и выглядели брошенными.

Белый трёхэтажный отель был прямоугольным, как и окружавшие его здания. Казалось, что всё на Форментере возвели совсем недавно, хоть и в прошлом веке. На третьем этаже были самые большие балконы и самые маленькие комнаты. Алиса открыла дверь на балкон и внимательно прислушивалась, пытаясь понять, есть ли в здании кто-то ещё, кроме неё и обслуживающего персонала. Глядя наружу, она старалась не пропустить прибытие кого-нибудь из других участников молодёжного бизнес-форума.

Но никто не явился на личном вертолёте, посадив его на пляж и нарушив дневной сон острова. Никто не остановил одноместную лодку в развороте, пуская волны. Может, кто-то и показал дорогой автомобиль, доставив его на пароме, но это событие гипотетически произошло с другой стороны отеля, и Алиса не могла стать его свидетелем.



Она достала из чемодана чёрную книгу с пустыми страницами. В её пальцы легла авторучка. Много раз она написала: “*Похоже, я не готова, хотя думала совсем иначе*”. У Алисы был непокорный почерк, напоминающий морские волны в ветреный день. Она говорила, что это оттого, что рука не успевает за её мыслями.

В программе форума первым шло “вечернее знакомство”. Алиса облачилась в белое хлопковое пончо, похожее на изошрённую сеть. Под ним проглаживал верх белого купальника и короткие джинсовые шорты, не нарушавшие единства цвета. Алиса вышла на улицу босиком. Её ногам было всюду тепло. Она вызубрила свою легенду и ощущала, что её ожидает проверка боем. Погода, наступившая после заката, призывала к миру. Лодки в лагуне зажигали огоньки.

На пляже был кирпичный очаг, в котором пылал огонь. Вокруг него сидело двенадцать человек. Все они были одеты по-разному, кто как хочет. Алисе показалось, что форум подразумевал большее количество участников. Может, не все успели добраться? Она приблизилась к огню и представилась, ища глазами Витю.

Алиса насчитала шесть парней и шесть девушек. Восемь из них принесли с собой коврики. Витя сидел на песке, и казалось, боролся со сном. Он не представился в ответ, а лишь коротко кивнул и улыбнулся, приподняв уголки губ.

Собравшихся интересовали в основном собственные персоны. Алиса смотрела на них и ощущала, как каждый отчаянно пытается стянуть всеобщее внимание, чтобы начать безостановочно вещать о себе. В общем, её легенда была в полной безопасности. Осознав это, Алиса нервно выдохнула.

Алиса смотрела на Витю, и ей казалось, что, как только выйдет солнце, он очень сильно обгорит. Это ощущение заставляла девушку цепенеть, ей нужно было ощущать что-то другое, чтобы получилось выполнить главное условие сделки. Но как? Человеческое существо мужского пола, сидевшее напротив неё, вело себя так, будто оно больше не желает жить. Или это только казалось. Алиса пыталась разобраться в своих чувствах и сидела молча, полагая, что её внешний вид и выражение заинтересованности на лице заменят непосредственное участие в игре “перетяни диалог на себя”. Глаза Вити большую часть времени были опущены, и Алиса в глубине души надеялась, что он смотрит на обглаживаемые огнём угли, а не в песок.

Диалог развивался и плавно подбирался к той фазе, когда появлялся первый царь горы, оказавшийся выносливее остальных в схватке за внимание. Царь горы мог некоторое время говорить, не рискуя быть перебитым. Но потом, как правило, после того, как он иссякал, за его место начинался второй раунд борьбы, обычно короче первого. В третьем раунде участвовали далеко не все, и он завершался практически без боя. Потом всё больше напоминало эстафету. Но у костра, за которым сидела Алиса, до этого было ещё далеко.

Адам рассказывал, что в прошлом месяце увеличил свои расходы до миллиона рублей. “Два уже шесть месяцев у меня”, — бросил серьёзный на вид юноша, имя которого Алиса не запомнила. У него это прозвучало куда менее значительно, чем у Адама, которого Алиса слушала, забывшись и не заметив, как это произошло.

Они жарили большие маршмеллоу, нанизав их на деревянные прутки. Одна девушка, которую Алиса посчитала такой же красивой, уже осторожно надкусывала коричневую сладкую корочку, заранее зная, что внутри может находиться очень горячая расплавленная масса. Адам на вид совсем не интересовался приготовлением лакомства, у него всё получалось естественно правильно. Остальные как будто специально пытались запечь свои маршмеллоу рядом с его, будто там был какой-то другой, более подходящий для этого огонь.

Вскоре Алиса увидела, как Витя убирает свой пруток с огня и подносит его поближе к лицу. В этот момент обуглившийся комок суфле сорвался и упал на песок. Парень отшатнулся, но затем попытался насадить его обратно. Корочка порвалась, и её содержимое стало достоянием необъятного пляжа. В отчаянной попытке спасти угощение Витя схватил его, обжигая

пальцы, и стал комично трясти рукой, забрызгав футболку, джинсы и двух соседей. Алисе казалось, что её отвращение теперь полностью обоснованно, и она даже знала, какое сообщение отправит обратно в Москву, как только окажется в номере.

Добравшись до телефона, она написала:

“Сумма слишком мала. Я пришла к такому решению уже на месте”.

Перечитав отправленное сообщение, Алиса почувствовала лёгкий приступ паники. Он наверняка поймёт её неправильно. Уронив телефон рядом с собой, девушка распласталась на кровати. В её голове потоком побежали тревожные мысли, в которых она даже не пыталась разобраться.

“Я утраиваю сумму”.

Алиса прочитала пришедшее сообщение. Свет телефона падал на её лицо. Глаза девушки были сосредоточенными. Она не замечала, как проходят минуты, сдвигала диалог то вверх, то вниз, чтобы экран не гас, и чего-то ждала.

“Хорошо. Пиши свою сумму. В пределах разумного”.

Алиса почувствовала, как будто нечто глубоко под землёй пошатнулось и качнулось из стороны в сторону. Ей стало душно, но это ощущение было приятным. Она хотела написать невымыслимую сумму и тем самым покончить со сделкой, но вместо этого её пальцы набирали цифру легендарную, но не выходящую за рамки возможного. Из Москвы вскоре пришёл утвердительный ответ. Алиса легла на бок и нахмурилась. Теперь, как она считала, ей оставалось покончить с главным условием сделки быстро, как с похмельным пойдом.

Завтрак. Всё тело в напряжении, но цель кажется Алисе лёгкой. Столовая похожа на помещение, существующее, чтобы исполнять функцию. Шведский стол без излишеств, но и без изъянов. Витя пойман рядом с пирожными. Алиса задаёт вопросы и слегка наклоняет голову набок. Он отвечает честно, что у него нет никакого бизнеса, как нет и оформившихся идей по этому поводу. На этом разговор заканчивается. Алиса надеется, что следующий шаг не заставит себя долго ждать.

Голос ведущего имел гипнотическую силу. Тринадцать человек (как казалось Алисе) неотрывно слушали его, сидя под навесом из белой ткани, ощущая на коже лёгкий солёный ветер. Небольшая группа парусных лодок маневрировала по просторам лагуны Эстани-дес-Пейш, и всё это казалось заранее подготовленной постановкой.

После семинара Алиса чувствовала себя оторванной от реальности, но ей пришлось быстро сфокусироваться, когда Витя, будто бы случайно оказавшись рядом, заговорил. Он выглядел воодушевленным и пытался объяснить тот факт, что приносимая польза может быть одним из главных факторов развития, хотя для него самого, судя по всему, всё это было абстрактно. О том же повествовал ведущий, которому Алиса мысленно отдала победу в этом необъявленном конкурсе ораторов. Но по-настоящему для неё было важно другое: ожидаемый ответный шаг был совершён.

На второй день Алиса вошла в комнату Вити вместе с ним. Ей показалось, что это произошло абсолютно естественно. За ними никто не следил, в отеле не было никаких дисциплинарных правил и, похоже, на все дни форума его двери закрылись для посторонних.

Незадолго до заката наступали самые тихие часы. Комната Вити была такой же, как у Алисы. Только на стене над неубранной постелью висела другая картина, и повсюду были разбросаны вещи, напоминавшие выпотрошенные внутренности чемодана. Витя заскочил внутрь, чтобы взять портативную колонку. Алиса проскользнула вслед за ним.

Колонка была найдена меньше, чем за минуту. Витя точно знал, где она лежит. Алиса подумала, что, хоть она и попала в его комнату, это действие оказалось фактически бесполезным для выполнения главного условия сделки (и она не могла представить, что всё-таки сделает это).

На столе лежала чёрная книга. Алиса с ужасом подумала, что тут оказался её журнал, и двинулась к столу. Витя с опаской сказал:

— Это мой дневник.

Алиса на мгновение приостановилась, подумав, что ей, должно быть, не стоило этого делать, но оказавшись так близко (достаточно было протянуть руку), она уже не могла удержаться от соблазна. Обложка была открыта. Витя застыл на месте и, мельком глянув на него, Алиса поняла, что может беспрепятственно продолжать.

Дневник был начат совсем недавно, Алиса быстро пролистала несколько страниц, исписанных понятным почерком. Неслышно Витя сел на кровать.

— Ничего, если я взгляну? — спросила Алиса.

Покрасневший Витя кивнул. Возможно, он готов был заплакать.

И Алиса, спускаясь вниз по ступеням, стала проникать, как ей казалось, в мир чужих секретов. Но очень скоро она поняла, что вместо поводов для скабрёзностей ей открывается история, рассказанная Витей о самом себе, начатая незадолго до отлёта. Через пять минут Алиса провалилась в повествование, и вытащить её оттуда можно было разве что резким окликом (но Витя молчал и смотрел на её спину). Девушка переживала эмоции. Негодование, предчувствия, интерес, сомнения, а потом она нашла себя в повествовании, и ей стало не по себе. Хотелось перестать читать, но девушка не могла, это был тот текст, который тащит дальше помимо воли читателя.

Отложив книгу, Алиса села на постель рядом и Витей.

— Тебе правда нравится мой нос? — спросила она.

Витя готов был расплавиться и бесформенной массой стечь на пол.

— Да, — сказал он.

Они встретились глазами. В то мгновение взгляд Алисы обладал той же гипнотической силой, что и рукописный текст в книге, оставшейся лежать на столе. Девушка не притворялась. Она действительно на время о многом позабыла, и то, что произошло дальше, было именно тем, чего она хотела тогда больше всего на свете.

Вите пришлось сбежать на первый этаж отеля к небольшому автомату, висевшему на стене по дороге в уборную, но они оба сделали вид, что это никак не нарушило темпа развития ситуации. Объективно дальнейшие действия были нескладными. В конце Витя долго помогал себе рукой.

Субъективно для него закончилась целая фаза жизни и началась другая, ещё не осознанная и не понятая, он пытался хотя бы начать осмысливать это, лёжа на подушке в наступивших сумерках, глядя в потолок и одной рукой обнимая Алису. Та тихо о чём-то думала. Витя произнёс:

— Давай поедem на Ибицу. В смысле, что ещё нам теперь остаётся делать?

— Ибица мне показалась не такой, как в рекламе.

— Наверное, этот остров лучше, только нужно немного постараться. Не волнуйся, у меня есть кое-какие деньги.

Алиса задумалась сильнее. Затем она легко встала с кровати и нашла свой телефон в разбросанной по полу одежде. В эти мгновения ей показалось, что Витя смотрит на неё как на персонажа из фильма. Она вернулась обратно в постель и придвинулась к нему поближе, включила фронтальную камеру и сделала несколько снимков.

— У меня тоже есть кое-какие деньги, — сказала Алиса.

На Ибице они нашли то, чего даже не ожидали найти: лучшие дни своей жизни. Они об этом не знали, а если бы и знали, то всё равно бы не поверили. Потом всё закончилось, и самолёт забрал их на восток.

В Москве шёл дождь и пахло осенью. Алису это мало волновало, всё её сознание ещё было засвечено солнцем. На пороге дома она чуть не упала, весь коврик был уставлен новыми кроссовками.

Первой из чемодана (переставшего быть новым) появилась чёрная книга. Алиса пыталась писать связно, но неведомая шальная сила постоянно заставляла её выдумывать новые слова. Рука, державшая карандаш, так ускорила, что почерк превратился в тайнопись.

— Смотри! — сказала сестра.

— Ой, — Алиса вздрогнула.

Появление сестры было неожиданным. Узнать её было тоже непросто, её волосы стали ярко-оранжевыми. Сестра держала две новые кроссовки, которые ещё ни разу не были надеты. Алиса подумала, что, должно быть, это какая-то новая и повсеместно раскручиваемая модель, ей показалось, что где-то она их уже видела. Возможно, на рекламном щите.

— Еле тебя дождалась, — сказала сестра, — завтра перееду.

— Куда? — спросила Алиса.

— К Максиму.

Сестра выглядела как человек, который не мог понравиться Алисе. Похоже, за месяц она успела выкинуть в столичные реалии и даже по-своему адаптироваться к ним.

— Не понимаю, чего ты одна живёшь, работаешь ещё в своей фиговой бургерной, — проговорила сестра, — давно бы нашла кого-нибудь. Ну, парня в смысле хорошего.

Алиса смотрела на новые кроссовки и хотела что-то сказать в ответ, но смогла лишь нахмуриться.

Дождь продолжался. Алиса чувствовала, как её настроение неуклонно охлаждается. Она вошла в недорогой ресторан и увидела за столом Витю. Рядом с ним сидел его отец. Перед ним лежал ноутбук. Витя не поднимал глаз. Превозмогая себя, Алиса села напротив них. Здесь они должны были встретиться с Витей наедине.

Его отец заговорил без приветствий и вступлений:

— У тебя была одна задача, но, похоже, ты запутала берега.

Алиса склонила голову, чувствуя, что сейчас может умереть.

— Мне не нужно, чтобы голова моего сына была забита всякой дрянью. Творчество, свобода самовыражения, откуда это всё взялось? Только вы, голубки, забыли одну простую вещь. Без моего бабла сидели бы тут ровно и не дергались ни влево, ни вправо, от звонка до звонка пахали на дядьку, который бы с вами не цацкался. Теперь, Алиса, обращаюсь к тебе единственный раз и предлагаю хоть тут проявить себя честным деловым партнёром. Огласи-ка основные пункты заключённого между нами соглашения.

Алиса подняла глаза на Витю, тот смотрел в пол и, казалось, не дышал. Девушка открыла рот, набрала в грудь воздуха и ничего не смогла сказать. Она тихо заплакала.

— Ясно. В общем, эта особа зарегистрировалась на одном сайте знакомств, где чаще всего ищут именно спонсоров, — обращаясь к Вите, отец добавил, — надеюсь, ты понимаешь, что это значит. Ещё она поставила соответствующую галочку, чтобы совсем без кривотолков. Вот, убедись.

Отец открыл ноутбук и повернул экраном к Вите. Тот приподнял глаза.

— Я купил её с особыми условиями. Всё должно было быть похоже на истинные чувства. С её внешностью это очень просто, — отец усмехнулся, — я даже проверил, а то вдруг фотки чужие мне подсунула.

С этими словами он достал из внутреннего кармана распечатки снимков, сделанных секретаршей (казалось бы, так давно).

Витя взял фотографии в руки и разложил их веером, как карты.

— Но после того, как дело сделано, тебе положено было исчезнуть, — сказал он Алисе, затем, повернув голову к сыну, продолжил: — Вот так, сынок, бабло — сильнее всего. Видишь, что можно кушать? — Отец положил руку на плечо Вите и подтянул его к себе. Тот не сопротивлялся.

Алиса смотрела на Витю. Когда он поднял глаза, она замерла, пытаясь прочесть его мысли. Кажется, он хотел что-то сказать. Это могло произойти в любую секунду. Алиса приготовилась слушать. Ей показалось, что она заметила живой проблеск в глазах Вити. Наконец, он заговорил:

— Ты сказала там, у костра, что у тебя дизайн-бюро, а со мной говорила о литературе. Тогда я подумал, что здесь что-то не сходится. А потом было то, что было, этого не объяснить третьим людям.